

„Вакханки“ Эврипида.

Эта пьеса замыкаетъ классическій вѣкъ античной трагедіи диоирамбомъ въ честь бога сцены: въ центрѣ хоръ, и самъ Діонисъ — запѣвалой. Точно, совершивъ полный кругъ, трагедія вернулась къ своему источнику *).

Если для филологовъ до сихъ поръ остается въ силѣ классическое опредѣленіе «Вакханокъ», какъ «обильнѣйшей жатвы для наблюдательнаго ума» **), то въ исторіи литературы эта пьеса — только открытое поле для гаданій.

Съ перваго взгляда бросается въ глаза отличіе «Вакханокъ» отъ остальнаго Эврипидовскаго театра.

Поэтъ, который допускалъ самыя причудливыя пзмѣненія въ легендѣ (въ «Еленѣ» и «Электрѣ») и даже романтическіе вымыслы (въ «Ифигеніи Таврической», въ «Іонѣ»), строго выдерживаетъ въ «Вакханкахъ» простой оиванскій миѳъ о наказанномъ богоборцѣ.

Прославленный вольнодумецъ, создавшій Иксиона, Мудрую Меланиппу, первую Федру, въ своей послѣдней трагедіи заставляеть скептику умереть самой жестокой и позорной смертью.

Поэтъ, учившій зрителей находить величіе въ простыхъ и благородныхъ сердцахъ Макарина, Ипполита, Менекея, — заставляеть ихъ въ «Вакханкахъ» благоговѣйно преклониться передъ силой, которая украшаетъ свой триумфъ труппами.

Даже время, искалѣчившее текстъ трагедіи въ концѣ, наложило на нее особый отпечатокъ. Намъ кажется, будто вся она написана въ мажорномъ тонѣ: нѣжный паѳосъ утраченъ съ «плачемъ Агавы», а немногія строки прощанія царской дочери съ отцомъ не разрѣшаютъ испытаннаго нами трагическаго ужаса грустью: онѣ скорѣй усиливаютъ его, какъ заглушенное, подавленное рыданіе.

---

*) По Аристотелю (Poet. 4), она пошла ἀπὸ τῶν ἐξάρχοντων τὴν διόιραμβον.

**) Bernhardt, Theolog. gr., III, 11 (см. Sandys, Bacchae, 87; Wecklein, Einl. 1).

Послѣ анализа пьесы возникаютъ новыя недоумѣнія.

Вѣритъ поэтъ или только ищетъ, жаждетъ вѣры?

Въ чемъ для него истина: въ живомъ-ли, бессознательномъ общеніи съ божествомъ, какъ у лидійской свиты Діониса, или въ умствованіяхъ Тиресія?

Нѣтъ-ли въ самомъ хорѣ лидійскихъ женщинъ переодѣтыхъ софистовъ?

Какъ надо понимать слова Агавы о «гнѣвѣ смертныхъ, неприличномъ для боговъ»?

Обзоръ критическихъ взглядовъ на «Вакханокъ» Эврипида, ихъ разнорѣчія и крайностей составилъ бы интересную страницу въ исторіи литературы, но я ограничусь здѣсь однимъ примѣромъ. Въ прошломъ году вышла книга Р. Decharme: *Euripide et l'esprit de son théâtre*, гдѣ нѣсколько страницъ посвящено «Вакханкамъ» (87—90). Заключение у этого автора такое: «если въ Эврипидѣ поэтъ страстно отдается религіи Діониса, то философъ тайно дѣлитъ чувство Пентея. Во всякомъ случаѣ, отнюдь не доказано, чтобы Эврипидъ, на склонѣ жизни, сталъ проповѣдывать вакхической мистицизмъ». Книга профессора Decharme вызвала превосходный разборъ маститаго французскаго филолога Н. Weil *); этотъ критикъ находитъ, что, какъ разъ наоборотъ, «благочестивыя чувства выражены тамъ съ горячностью и настойчивостью, которая увлекаетъ читателя и заставляетъ его забывать слабыя возраженія разсудка».

Не показываетъ-ли это разнорѣчіе какъ мало до сихъ поръ освѣщенъ самый центръ трагедіи — поэтическая цѣль Эврипида. Я черпаю изъ этихъ затрудненій оправданіе для моей попытки освѣтить трагедію.

Выше я говорилъ о характерныхъ чертахъ поэзіи Эврипида и о почвѣ его творчества **), потомъ нѣсколько очертилъ миѳическую и бытовую сторону въ образахъ Діониса и его поклонницъ ***); затѣмъ въ самомъ переводѣ я старался освѣтить ходъ дѣйствія въ связи съ пѣснями хора.

*) Journal d. sav. 1893, 482 et pass.

**) Первая глава Введенія.

***) Вторая глава Введенія.

Послѣдующія страницы могутъ такимъ образомъ сосредоточить вниманіе читателя на *психологическомъ моментѣ* трагедіи.

Легендарный Кадмъ — не коренной грекъ. Это полу-семиць, выходець изъ Финикіи. Его отецъ Агеноръ (предводитель людей) эллинизированный Вааль финикійцевъ, сынъ Ливіи отъ Посейдона. Его мать звали Телефасса — «сіяющая издалека». Въ Греціи, куда онъ зашелъ въ поискахъ за своей похищенной сестрой, онъ скоро сдѣлался триумфаторомъ, благодѣтелемъ людей и любимцемъ боговъ. Сама Афина помогала ему убить дракона; Арей далъ ему въ жены свою дочь Гармонію, и всѣ боги явились къ нему на свадьбу съ дарами. На мѣстѣ своей побѣды Кадмъ построилъ Фивы, а Спарты явились родоначальниками пяти знатнѣйшихъ бэотійскихъ фамилій.

«Спарты» (посѣянныя), это — пять гигантовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавой схватки, въ которую вступили земнородныя чудовища, какъ только вышли изъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ на мѣстѣ битвы.

Отъ брака съ Гармоніей у героя родилось четыре дочери: Семела, кратковѣчная подруга Зевса и мать Діониса; Агава, Ино и Автоноя. Отець отдалъ Агаву за Эхіона, одного изъ Спартовъ, и отъ этого брака родился у нея Пентей. Автоноя принесла Аристею сына Актеона, а у Ино былъ сынъ Меликертъ. Легенда даетъ Кадму и сына — Полидора (родоначальника Лабдакидовъ), но въ драмѣ Эврипида у него нѣтъ мужского поколѣнія, хотя онъ уже древній старикъ *), и это неслучайная черта: это — червякъ, который грызетъ сердце героя, можетъ быть, зерно трагедіи.

Кадмъ Эврипида не сохранилъ ничего отъ своей прославленной воинственности, въ этомъ отношеніи онъ не напоминаетъ ни Пелея **), ни Юлая **) съ ихъ запоздавшимъ геройскимъ пыломъ. Годы не развили въ немъ и непочтительнаго отношенія къ богамъ, какъ въ Амфитріонѣ ***). Онъ не

---

*) Bacch., 1305 ср. Phoeniss., 7; Apollod. III, 4, 2; E. Saglio. Cadmus: Dict. d. ant. gr. et rom. s. v., 775.

**) О нихъ см. выше, въ I-ой гл. введ.

***) Herc. f. 339—347.

страдаетъ, какъ Пентей, и избыткомъ властолюбія (τὸ βασιλικὸν λίαν), и, можетъ быть, не одна старость заставила его передать внуку царскую власть.

Сдержанный, благочестивыйи челоѡкъ, сохраняющій достоинство въ самыя тяжелыя минуты, Кадмъ обнаруживаетъ еще много душевной силы, но не трудно увидѣть, что ее поддерживаетъ и питаетъ: это—*честолюбецъ*. Остатокъ нѣжности засыхающаго сердца сосредоточился на внукѣ, а весь тонкій умъ полу-семиа ушелъ на заботы «о славѣ рода», о родовомъ почетѣ (τιμή).

Боги обидѣли его — они не дали ему сына. Дочери? . . . Одну, уже носившую подъ сердцемъ ребенка, убило молніей; у другой, Автонои, выросъ сынъ, но не на радость: его разорвали собаки Артемиды, когда онъ похвалился, что на охотѣ съ нимъ не сравняется и сама богиня. Третью онъ выдалъ за безроднаго гиганта, сына земли, и она родила сына, который вышелъ весь въ отца: огромнаго роста, мрачно-воинственный, врагъ людей и боговъ.

Не похожъ на челоѡка:

Смертью онъ и кровью дышитъ,

Какъ гигантъ въ борьбѣ съ богами.

Даже имя его говоритъ о горѣ, о траурѣ. Но Кадмъ любить юношу: онъ дорогъ ему не только, какъ личная опора, но и какъ надежда рода — старикъ передаетъ ему даже царскую власть, думая еще при жизни придать ей новый блескъ.

Когда молва о новомъ богѣ и новомъ служенѣ достигла Фивъ, Кадмъ одинъ изъ первыхъ на нее откликнулся. Еще раньше онъ усиленно распространялъ слухи о томъ, что Зевсъ посѣщаетъ его дочь Семелу, а когда ее убило грозой, онъ съ почтеньемъ огородилъ ея капище. Новая легенда о спасенномъ и чудесно доношенномъ Діонисѣ, который причтенъ къ сонму бессмертныхъ и вскормленъ нимфами, должна въ глазахъ Кадма придать еще болѣе блеска его угасающему роду. Кадмъ готовъ почитать бога,—и въ первой сценѣ, гдѣ онъ является въ небридѣ и съ тирсомъ въ рукахъ онъ только и думаетъ, какъ-бы не нарушить въ чемъ-нибудь вакхическаго ритуала:

Не правда-ль (*говоритъ онъ Тиресію*) ты укажешь, гдѣ
плясать мнѣ

И гдѣ, остановившись, затрясти сѣдою головой?

Діонисъ милостивъ къ своему дряхлому поклоннику и даетъ новую силу его старымъ костямъ. Кадмъ можетъ сказать:

Веселье намъ снимаетъ годы съ плечъ.

Но богъ ему не даетъ настоящаго экстаза: Агеворидъ испытываетъ только *трезвое чувство радости*, удовлетвореннаго честолюбія, чуждое сладкому вакхическому безумію. Для него Діонисъ не столько богъ, сколько возвеличенный внукъ Кадма.

Какъ ни крѣпился старикъ, но онъ былъ бы не прочь даже доѣхать до горы, и только мысль, что этимъ уменьшится почетъ богу, т. е. роду Кадма, удерживаетъ его.

У Кадма не находится жесткихъ словъ въ отвѣтъ Пентею, когда тотъ осыпаетъ и его, и Тиресія упреками и насмѣшками. Дерзкое кощунство юноши глубоко оскорбляетъ вѣщуна Тиресія, но дѣдъ Пентея смотритъ на протестъ молодого царя гораздо спокойнѣе.

Онъ даетъ жрецу Аполлона выяснить отвлеченную сторону вопроса, а потомъ подходитъ къ нему съ совершенно новой стороны. Философъ и предсказатель училъ и стращаль Пентея, — житейскій мудрецъ, политикъ вкрадчиво совѣтуетъ не отдѣляться отъ другихъ и оставаться подъ надежнымъ кровомъ *обычая*; онъ совѣтуетъ внуку заставить себя вѣрить въ божественность Діониса, обманомъ увѣрить себя, что Семела точно родила бога: не глупо-ли въ самомъ дѣлѣ кричать противъ почета и блеска, который распространится на весь родъ, на цѣлыя вѣка?

Несмотря на небриду и тирсъ, Кадмъ едва-ли вѣритъ легендѣ о двойномъ рожденіи Діониса. Можетъ быть, оттого онъ и не оправдывается, и не жалуется, выслушавъ свой разговоръ, наравнѣ съ нечестивцами, а раньше (v. 1249) признаетъ даже, что Бромій справедливо покаралъ *его съ семьей* (*ἡμᾶς*). Впрочемъ, здѣсь важно не то, что Кадмъ былъ неискреннимъ поклонникомъ Діониса, а то что онъ не отдѣлялъ себя отъ рода. Его честолюбіе было не личное, а родовое и семейное; за это Кадмъ былъ и наказанъ не личнымъ стра-

даніемъ, а плачевной судьбою его семьи и поколѣнія. Боги не терпѣли гордыни, а съ виду благочестивый и скромный Кадмъ не побоялся свести вопросъ о Діонисѣ на собственное прославленіе.

Если Кадмъ является въ драмѣ представителемъ скрытаго, расчетливаго честолюбія, то въ его дочери Агавѣ любовь къ славѣ явилась со всей силой пагоса.

Внучка боговъ, дочь царя и мать царя, она жена чудовища, безроднаго «Спарга», просто Эхіона. Унаслѣдовавъ отъ отца все его честолюбіе, она глубоко оскорблена неравнымъ бракомъ. Да и сынъ ея, этотъ «въ печали рожденный» вышелъ весь въ отца: мрачный и безобразный, онъ неловокъ и неудачливъ на охотѣ (vv. 1252—1256). Когда Семела и Кадмъ начинаютъ говорить о посѣщеніяхъ Зевса, Агава вѣроятно первая *) возмущается этими слухами. Зависть закидаетъ въ ней противъ сестры.

Но вотъ Семела, тоже честолюбивая дочь Кадма, выразила гордое желаніе, чтобы Зевсъ открыто явился къ ней и подтвердилъ, что она точно его избранница. Слѣдуетъ печальная развязка, и завистницы торжествуютъ. Пусть Кадмъ съ почтеніемъ ограждаетъ капище испепеленной дочери, сестры твердятъ повсюду, что Зевсъ наказалъ Семелу за дерзкія выдумки, которыя нашенталъ ей старый честолюбецъ. Мало по малу слухи, конечно, стихаютъ. Проходятъ годы. Но вотъ новый богъ наполняетъ славой варварскій міръ, и ея отголоски долетаютъ и въ Ойвы. Тогда навѣты на память Семелы вспыхиваютъ съ новой силой. Сестры чувствуютъ подъ ногами болѣе твердую почву. Рѣчь идетъ уже не о любви Зевса, а о чудѣ двойнаго рожденія, о новомъ богѣ и новомъ культѣ — такимъ образомъ затронута и религія, признанная городомъ, и обычай. Къ тому-же Кадмъ больше не царь, а Пентей, выросшій въ мысляхъ, что онъ единственная надежда и слава Кадмова рода, готовъ со всей дикостью гиганта возстать противъ новаго бога.

Для Агавы честь Кадмова рода вопросъ второстепенный — она ищетъ *личной славы*. Когда безуміе охватило мать Пентея

*) Ср. Bacch. 689, 1114.

и увлекло ее въ горы, ей, повидимому, грезились только подвиги, отличіе. Являясь на сцену съ головой Пентея, она напоминаетъ скорѣе амазонку, чѣмъ вѣщую мѣнаду: оказывается, что она, Агава — первая и счастливѣйшая изъ вакханокъ: это она подала примѣръ сестрамъ, это она пристыдила оиванскихъ стрѣлковъ на охотѣ, доказавъ, что кистью руки можно дѣйствовать ловчѣе, чѣмъ дротикомъ.

Когда она приглашаетъ Кадма гордиться дочерьми и особенно ею, Агавой, намъ слышатся затаенныя, давнишнія мысли завистницы: отецъ не хотѣлъ знать остальныхъ дочерей, онъ величался одной Семелой.

Пентей — грубая натура: у него нѣтъ ни тонкаго честолюбія Кадма, ни хвастливаго славолюбія Агавы. Ему знакома *одна страсть — властвовать*. Если онъ любитъ по своему дѣда, то только потому, что тотъ отдался подъ его защиту; найдя у старика другую опору — Тиресія, Пентей тотчасъ забываетъ всякое уваженіе къ его сану и годамъ. Деспотическій и раздражительный характеръ Пентея наводитъ страхъ на всю страну*). Для Пентея нѣтъ различія между послушниками его власти, и онъ готовитъ на мать и тетокъ не узы, какъ на другихъ вакханокъ, а оковы, только потому, что онѣ долѣе ускользаютъ отъ его рукъ.

Пентей — злой, жестокосердый человѣкъ: ему мало торжества и обладанія, онъ любитъ играть съ своей жертвой, издѣваться надъ ней. Только ему не нужна при этомъ публика, какъ Агавѣ. Напротивъ, ему надо грубо, непосредственно удовлетворять своему властолюбію. Крайне недовѣрчивый къ людямъ, онъ склоненъ повсюду видѣть враговъ, измѣну, подвохъ, — а расправляться съ врагомъ самому онъ считаетъ не только болѣе пріятнымъ занятіемъ, но и болѣе надежной мѣрой. Грубая природа Пентея, его узкій умъ и бѣдная фантазія не допускаютъ въ людяхъ чистыхъ мотивовъ, нравственныхъ побужденій: если Тиресій проповѣдуетъ новаго бога, значитъ, онъ ищетъ матеріальныхъ выгодъ; если культъ требуетъ музыки и пляски, значитъ, это праздная безсмыслица; если женщины идутъ ночью въ лѣсъ, значитъ, онѣ

*) τοῦξόθουμον καὶ τὸ βασιλικὸν λίαν: v. 671.

хотятъ пьянствовать и предаваться разврату. Ослѣпленный своей молодой силой, энергіей и властью, Пентей не видитъ на своемъ пути никакихъ преградъ, и ему кажется, что если чего нельзя взять силой, то ужъ, конечно, можно забрать хитростью. Страсть руководитъ его рѣшеніями гораздо чаще, чѣмъ умъ, а его фантазію заставляютъ работать только скрытыя инстинкты, и въ этой темной душѣ жестокость тѣсно сплелась съ сладострастіемъ.

Вотъ люди, къ которымъ приходитъ сынъ Зевса, принявъ образъ смертнаго.

Всѣ трое — и дѣдъ, и дочь, и внукъ стоятъ на наклонной плоскости: Діонису надо только тронуть камни, за которые цѣпляются ихъ ноги, — и они покатаются внизъ.

Но Діонисъ покараетъ Пентея и Агаву не только за отказъ принять его божественный культъ: въ его гнѣвѣ чувствуется мотивъ болѣе личный, человѣческій, — онъ является защитителемъ, *оправдатель* памяти своей бѣдной оклеветанной матери: если онъ не въ силахъ потушить пламя, въ которомъ дышитъ вѣчная злоба ревнивой Геры, то по крайней мѣрѣ заставитъ замолчать злые и завистливые голоса родственниковъ Семелы. Вотъ психологическій узелъ трагедіи.

Діонисъ является на сцену въ видѣ странствующаго жреца: онъ распространяетъ новый азіатскій культъ Вакха и Кибелы.

Тутъ надо сдѣлать маленькое отступленіе: эти переходящіе гадатели, родомъ чаще всего съ востока (агирты, метрагирты, орфеотелесты) были въ Эврипидовской Греціи явленіемъ обычнымъ. Еще въ концѣ 6-го вѣка, если вѣрить Плутарху (*Аporphth. Lac.*, 45) они играли большую роль въ Спартѣ. Платонъ представляетъ *аиртовъ* осаждающими двери богачей: эти чародѣи стараются увѣрить, что, благодаря жертвамъ и чарамъ, достали отъ боговъ власть очищать людей отъ личныхъ и наслѣдственныхъ преступленій. Самые города не уходятъ отъ ихъ вліянія, и нерѣдко они вынуждаютъ у правительства устройство праздниковъ и очистительныхъ обрядовъ (*τελεταί*)*. Чародѣи лѣчатъ, угадываютъ, предре-

---

*) Цитирую по выдержкѣ изъ франц. перевода у Saglio: *Dict. des ant. gr. et. rom.*, s. v. *Agyrtae*.

каютъ, очищаютъ и ловкостью своихъ фокусовъ увлекаютъ поклонниковъ. Если просвѣщенный умъ Платона и Гиппократа зачастую оскорбленъ ихъ шарлатанствомъ, то легко-вѣріе массъ охотно приписываетъ имъ силу лишать поля плодородія, затмѣвать солнце, сманивать луну на землю. Но было-бы большой ошибкой сводить всю роль агиртовъ къ корыстнымъ обманамъ. Нѣтъ, распространяя культы Изиды и Кибелы, они являлись однимъ изъ звеньевъ, связавшихъ востокъ съ Греціей, а позже съ Римомъ.

И такъ Діонисъ является въ Оивы агиртомъ (метрагиртомъ). Пентей не даромъ называетъ его *чародѣемъ* *) и *колдуномъ* *) — такова именно роль, которую принимаетъ на себя сынъ Зевса, чтобы покорить себѣ оиванскаго царя: онъ подстрекаетъ Пентея намеками, недомолвками, уклончивыми отвѣтами; пугаетъ его чарами землетрясенія и пожара (послѣ которыхъ дворецъ остается невредимымъ); онъ дурманитъ его навожденіемъ и, наконецъ, совсѣмъ покоряетъ своей волѣ. На сеансахъ «внушенія мыслей» мы видимъ и теперь явленія того-же порядка. Только грубый умъ Пентея не сумѣлъ разглядѣть олимпійскаго генія подъ этой маской лукаваго чародѣя и не уклонился во время отъ непосильной борьбы.

Эврипидъ не могъ найти лучшей личины для своего Діониса: она дала трагику полный просторъ для психологической ткани трагедіи.

Лидіецъ красивъ, и въ добавокъ той невиданной въ Оивахъ, дразнящей восточной красотой, которая говоритъ о другомъ солнцѣ, и гдѣ сила прикрыта изящной нѣгой.

Вотъ первое условіе его успѣха.

Онъ принесъ съ своего Тмола музыку, тайну и атмосферу обожанія. Его культъ будто рассчитанъ на женское сердце: онъ слилъ красоту съ тайной, дикую, разнузданную свободу съ слѣпымъ повиновеніемъ, музыку съ кровавой жертвой, подъемъ энергіи съ полнымъ уничтоженіемъ личности въ экстазѣ.

Вѣчныя рабыни, затворницы и безсмѣнныя работницы у

---

*) γόης ἐπιδός, v. 234.

ткацкаго станка побросали очаги, поворожденныхъ дѣтей, — и ушли въ горы.

Если Кадмъ ни на минуту не забывалъ, что Діонисъ ему внукъ, и даже въ концѣ трагедіи скромно упрекнулъ бога за то, что онъ «не пощадилъ своего рода», то сестры Семелы, конечно, не думали, что идутъ на Киоеронъ служить Діонису, т. е. именно тому племяннику, котораго онъ такъ упорно высмѣивали вмѣстѣ съ его несчастной матерью; онъ не думали ни о какой легендѣ: имъ грезилась только свобода, наслажденіе, а Агавѣ, конечно, охотничья слава, которой она напрасно ждала отъ своего сына.

Діонисъ охватываетъ Фивы своими чарами постепенно.

Мы находимъ въ «Вакханкахъ» всѣ ступени, всѣ формы экстаза, начиная отъ скромнаго оживленія стариковъ въ первой сценѣ *) до безумнаго бреда Агавы въ послѣдней. Вейль мѣтко переименовалъ слова Эсхила, въ примѣненіи къ этой пьесѣ: ἐνδοουσιᾶ δὲ δράρα, βακχεύει μέλος, т. е. драма полна энтузіазма, и пѣсня — Вакха. Если слуга и оба вѣстника не приняли участія въ вакханаліи, то они все-же вернулись съ Киоерона неизмѣнными поклонниками Діониса: онъ ихъ удивилъ, очаровалъ и ужаснулъ.

Но сыну Зевса приходится вести болѣе сложную игру съ Пентеемъ. Страхъ и сомнѣнія не знакомы этому юношѣ, а благоразуміе, скромность и богопочтеніе совершенно чужды его душѣ. Его также трудно удивить, какъ испугать и, повидимому, невозможно ни заинтересовать, ни заставить послушаться. Мрачное недовѣріе окружило его стѣной, отъ которой вѣетъ холодомъ и страхомъ.

Я сказалъ, что Діонису приходится вести *игру* съ Пентеемъ — конечно, это не настоящая борьба — вѣдь исходъ ея намѣченъ заранѣе; да и какую же борьбу могъ-бы вести Олимпіецъ со смертнымъ? Агава говоритъ о гнѣвѣ смертныхъ, который не приличенъ богамъ. Но развѣ зрители не чувствуютъ съ перваго же момента, когда Діониса приводятъ связаннымъ, что онъ можетъ сразу покончить съ этимъ че-

---

*) У Кадма это даже не экстазъ.

ловѣкомъ? Неужто Діонисъ сердится на Пентея? Да развѣ этотъ безумный гнѣвъ оиванца не входитъ въ расчеты чародѣя, не подготавливаетъ его заранѣе намѣченнаго торжества?

«Мудрый долженъ быть всегда спокоенъ» говоритъ онъ про самого себя хору, и спокойствіе, дѣйствительно, не мѣняется ему. Властелинъ страстей, экстазовъ и безумій, Діонисъ самъ безстрастенъ: когда онъ съ улыбкой накидываетъ петлю на шею нечестивца, это вовсе не жестокость. Какъ Эросъ въ характеристикѣ Сократа *) вовсе не нѣженъ и не прекрасенъ, хотя и заставляетъ людей стремиться къ нѣгѣ и красотѣ, такъ Діонисъ остается трезвымъ, спокойнымъ и задумчивымъ чародѣемъ среди своихъ восторженныхъ, одурманенныхъ и безумныхъ жертвъ.

То, что кажется намъ его побѣдой надъ Пентеемъ, наказаніемъ гордеца, есть лишь *естественное, необходимое слѣдствіе* оказаннаго ему сопротивленія. Діонисъ для всѣхъ одинаковъ, но не для всякой природы выходитъ спасительнымъ его божественный даръ — экстазь.

Что такое экстазь? Это клапанъ для разрѣженія тяжелой душевной атмосферы. Въ человѣкѣ сидитъ звѣрь, котораго не могутъ вполне одолѣть ни мораль, ни культура, ни законы гражданственности, и нужно время отъ времени давать выходъ этому избытку дикихъ силъ — вотъ гдѣ лежитъ психическая основа оргіи — этого бѣга, пляски, кровавой жертвы, всѣхъ попытокъ слиться съ природой. Эврипидъ поэтически представилъ это объединеніе человѣка съ природой: у него оиванки разрываютъ ланей, чтобы потомъ кормить ихъ дѣтеньшей своей грудью. Если человѣкъ не дастъ во время выхода страстямъ и грубымъ инстинктамъ, они проложатъ себѣ путь сами; и это болѣзненно отзовется на всемъ организмѣ человѣка; упрямецъ все-же испытаетъ экстазь, онъ не уйдетъ отъ чаръ Діониса, но это будутъ чары безумія, за которыми идетъ или смерть, или нравственное паденіе.

Пентею суждено стать безумцемъ, а потомъ умереть потому что онъ не захотѣлъ послужить Діонису, сравнив-

---

*) Его рѣчь въ «Пирѣ» Платона.

пись со своими подданными и признавъ свою истонную чловѣческую слабость.

Пентей — гордецъ, — онъ этого не скрываетъ: страсть *властолюбія* катится по широкому руслу, наводя ужасъ на пастуховъ, женщинъ, плѣнныхъ, отзываясь даже на самыхъ близкихъ людяхъ. У Пентея есть въ душѣ и *чувственность*, но онъ не признаетъ этой страсти, онъ втайнѣ стыдится ее, и подавленная, забитая въ самый темный уголь души, она плетъ оттуда на свѣтъ свою сестру — *жестокость*: но именно этой страсти суждено сыграть въ жизни Пентея роковую роль*).

Когда Пентей первый разъ появляется на сценѣ, онъ не знаетъ еще ничего достовѣрнаго о женскихъ оргіяхъ. Но грубый умъ и инстинкты заставляютъ уже его фантазію работать: разгулъ и распутство, — вотъ что ему мерещится въ заповѣдныхъ чащахъ. Тиресій въ своей анологіи Діониса едва коснулся этого больного мѣста. Онъ говоритъ:

Женщинъ скромности учить

Въ дѣлахъ любовныхъ Діонисъ не долженъ:

Стыдливость это ихъ природный даръ,

И скромная не развратится въ пляскѣ.

Здѣсь рѣчь идетъ не столько объ оправданіи женщинъ, сколько о реабилитаціи самого Діониса. Впрочемъ Пентей едва-ли и слушаетъ эти краснорѣчивыя тирады — философія и риторство прельщаетъ гиганта не болѣе, чѣмъ киклопа.

Но вотъ ему приводятъ лидійца. Уже одинъ видъ его изнѣженной восточной красоты утверждаетъ Пентея въ прежнихъ мысляхъ: она и плѣняетъ его, и дразнить, и сердить. Бросая изъ подъ маски грубаго презрѣнія небрежные, отрывистые вопросы, онъ въ душѣ весь горитъ желаніемъ узнать отъ плѣнника побольше подробностей про этотъ бурный и грязный потокъ, который унесъ его мать и тетокъ. И вдругъ — неожиданное сопротивленіе: спокойная и мѣткая рѣчь пришельца прикрываетъ заманчивую тайну.

Между тѣмъ страсть Пентея ищетъ выхода: онъ ничего не узналъ, но за то насладится местию: рабы отведутъ плѣн-

---

*) На это указалъ Wilamowitz v. Möllendorff (Die Bakchen, III Aufl. erkl. v. E. Bruhn, Einl. 10).

ника на скотный дворъ — тамъ темно и это напомнитъ лидіицу вакханалию, а самъ Пентей придетъ туда, чтобы наединѣ излить свою злобу въ расправѣ съ этимъ дерзкимъ красавцемъ: онъ свяжетъ его собственноручно и крѣпко, не такъ, какъ эти сѹевѣрные и трусливые рабы; онъ обрѣжетъ лидіицу соблазнительныя, душистыя космы и вырветъ у него наконецъ эту магическую зеленую палку.

Цѣлый рядъ испытаній слѣдуетъ за первой дерзкой попыткой Пентея. Діонисъ дурачить его и мало по малу *выматываетъ изъ него силы*: ожесточенная возня съ быкомъ, землетрясеніе, иллюзія пожара, борьба съ призракомъ. . . Пентей сбитъ съ толку, главное, его энергія подорвана, и онъ противъ воли испытываетъ то, что обыкновенно предшествуетъ вакхическому экстазу—*усиленное движеніе, неполнѣрную трату силъ*. Между тѣмъ лидіецъ опять передъ нимъ, и все такой-же спокойный, острый, загадочный. Но Пентей уже не тотъ; онъ можетъ грозить, приказывать — но на личную расправу не хватаетъ больше силъ; и вотъ чѣмъ слабѣе въ немъ говоритъ энергія, тѣмъ ярче вспыхиваетъ мечта: изъ активной душа обращается въ пассивную,—она ждетъ впечатлѣній. Въ это время приходитъ пастухъ, и Пентей приказываетъ ему передать подробнѣе ужасы, которыхъ онъ посмотрѣлся на Киѳеронѣ. Въ результатѣ — новое разочарованіе: положимъ, картина, которую рисуетъ разскащикъ, приманчива, но въ концѣ онъ говоритъ о побѣдѣ мѣнадъ, о томъ, какъ онѣ со своими тростями и палками издѣвались надъ дротиками пастуховъ. И вотъ энергія будто снова вспыхиваетъ въ Пентеѣ; но не надолго—силы оиванца уже подорваны, да и положеніе — затруднительное: весь край взбѣсился, а слуги еще не оправились отъ пожарной тревоги; у правительства есть еще солдаты, положимъ, но гдѣ гарантія, что они не окажутся такими-же пастухами? Какъ бы отвѣчая на мимолетную мысль Пентея, неотвязный лидіецъ ужъ пророчитъ ему печальный исходъ его экспедиціи:

Пентей, прогоняютъ васъ, и — верхъ позора!

Отступить передъ тирсомъ мѣдный щитъ.

Пентей больше не грозитъ, онъ только для виду отмахиваетъ

вається отъ болтуна, а самъ невольно починаєть прислушиваться къ его словамъ. Лидіецъ предлагаєть какъ-то уладить дѣло, но ему, Пентею, лѣнь даже думать: онъ чувствуетъ себя не въ силахъ разобратъся въ своемъ положеніи. Но вотъ на минуту вспыхиваетъ въ оиванскомъ царѣ старая энергія: онъ посылаетъ за оружіемъ, и Діонисъ настороживается: возвращенный мечъ, пожалуй, опять разбудить въ Пентеѣ властолюбца. И вотъ пользуясь моментомъ, онъ даетъ ослабѣвшей мысли Пентея соскользнуть на новый путь неожиданнымъ вопросомъ

Ба!

Хотѣлъ бы ты увидѣть ихъ на мѣстѣ?

Съ этихъ поръ Пентей ужъ не возьметъ въ руки меча — онъ больше не принадлежитъ себѣ.

Страсть выбилась наружу, и одно за другимъ роняетъ онъ признанія: «да, онъ не пожалѣлъ бы богатства за это горькое зрѣлище; онъ молча просидѣлъ бы подъ елями, любуясь на этихъ позорно пьяныхъ и соблазнительно — недоступныхъ женщинъ.»

Въ «драмѣ Пентея» наступаетъ *второй* моментъ. Герой *обезволенъ*, хотя онъ еще не сталъ безумцемъ: только страсть слѣпнеть его, мечта властно зоветъ на Клееронъ сейчасъ же, безъ замедленія. Полчаса тому назадъ онъ отвергъ бы съ яростью совѣтъ одѣться женщиной, теперь требованіе Діониса вызываетъ только легкую душевную борьбу. Напрасно цѣпляется мысль Пентея за остатки старыхъ плановъ: «вѣдь я буду воевать съ мэнадами, а довѣрится некому, приходится идти самому на развѣдки». Напрасно силится онъ сохранить самообладаніе и увѣряетъ себя, что еще не рѣшилъ, идти-ли ему съ войскомъ открыто, или съ лидійцемъ, тайкомъ: онъ идетъ въ домъ не думать, а переодѣваться; и самая мысль о новой одеждѣ уже ласкаетъ его фантазію, когда онъ засталяетъ лидійца повторять себѣ одну за другой всѣ детали вакхическаго туалета.

Но вотъ рука бога и священный уборъ коснулись Пентея, — и онъ вступаетъ въ *третій* фазисъ своей драмы: изъ *обезволеннаго* онъ становится *безумцемъ*. По виду онъ еще полонъ силъ, воспріимчивъ, энергиченъ, но онъ уже видитъ вдвойнѣ

и солнце, и городъ — впечатлѣніе не успѣетъ мелькнуть въ его горячешномъ мозгу, какъ другое смѣняется, перебиваетъ, искажаетъ его. Онъ потерялъ представленіе о размѣрѣ и готовъ взвалить себѣ на плечи всю эту недоступную гору, съ лѣсами и вакханками. Но энергія его гаснетъ такъ-же быстро, какъ вспыхиваетъ: она похожа на горячешный бредъ, или на призрачный аппетитъ больного. Въ перемежку съ мечтами объ удачной ловлѣ, онъ охорашивается, кокетничаетъ, точно новый нарядъ ласкаетъ его сластолюбивую грезу. Самая слава мерещится ему теперь уже въ другомъ ореолѣ: это *не власть*, не гордое сознаніе своей мощи, добытое напряженіемъ силъ въ борьбѣ, это *слава*: его будутъ хвалить, ласкать, понесутъ на рукахъ, — и чѣмъ далѣе отходитъ отъ него дѣйствительность, тѣмъ рельефнѣе, жизненнѣе и соблазнительнѣе становится мечта.

Когда онъ предлагаетъ Діонису свой послѣдній безумный планъ:

По главнымъ улицамъ теперь меня веди:

На этотъ подвигъ я одинъ держакъ,

будущее (мечта) очевидно вытѣснило для него дѣйствительность: онъ думаетъ и говоритъ здѣсь о своемъ побѣдоносномъ возвращеніи съ Клеоэрона, смѣшавъ его съ предстоящимъ путешествіемъ.

Новый, «послѣдній Пентей» является передъ нами, когда Діонисъ оставилъ его. Фиванецъ очнулся на высокой ели и, очнувшись, долженъ былъ пережить стыдъ, потомъ страхъ, ужасъ, отчаяніе.

Молящій и безпомощный, онъ на минуту возбуждаетъ наше состраданіе, но оно скоро смѣняется новымъ ужасомъ, — а въ концѣ трагедіи бредъ и страшное пробужденіе Агавы вытѣсняють изъ нашей души картину мученій ея сына.

Анализъ драмы, кажется, выяснилъ *неизбѣжность* и *справедливость участи* Кадма и его рода — *гордыня* этихъ людей должна была *разбиться* при столкновеніи съ новымъ культомъ, который всѣхъ *уравнивалъ*, и требовалъ отъ cadaго человека скромности и простоты.

Если на послѣдокъ черезъ грубую оболочку мѣта и сквозь

тонкую психологическую ткань драмы, мы постараемся заглянуть глубже въ тайники этого чуднаго дионрамба богу сцены, то мы должны будемъ признать, что «Вакханки» не даромъ замыкають классическій вѣкъ эллинской трагедіи.

«Трагическій Діонисъ» выступаетъ въ этой пьесѣ всего ярче и опредѣленнѣе; здѣсь онъ настоящій властитель сердець и царь сцены. Здѣсь онъ требуетъ *познанія* *человѣческой души*, *разоблаченія ея страстей* и приказываетъ смертному заботиться объ *очищеніи* *своей души* отъ страстей и грубыхъ инстинктовъ; здѣсь ясно указываетъ онъ и на *страданіе*, какъ на *источникъ* нравственнаго обновленія челоуѣка. Здѣсь Діонисъ врагъ войны и *другъ мира*, и миръ ему милѣе, чѣмъ пиры и веселье, потому что «кормить людей». Здѣсь сынъ Зевса *равно доступенъ* и рабу, и женщинѣ и именно здѣсь ставитъ онъ *скромнаго* варвара выше *надменнаго* грека; здѣсь наконецъ онъ щедро раздаетъ людямъ свой *божественный экстазъ*, какъ средство *приблизиться къ богамъ*.

Всѣ самыя свѣтлыя, самыя высокія черты идеала, взлѣбляннаго душою Эврипида, собрались, какъ въ фокусѣ, въ этомъ «трагическомъ Діонисѣ», и я считаю не только естественнымъ но глубоко справедливымъ, что Эврипидъ посвятилъ свою лебединую пѣсню именно этому богу Сцены, Мира и Созерцательной жизни.